

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛОГИЧЕСКОГО И РЕЧЕВОГО АСПЕКТОВ АРГУМЕНТАЦИИ

Л. Н. СУМАРОКОВА (Одесса)

Аргументация возникает и функционирует непосредственно в человеческом общении и несет на себе отпечаток как общей структуры общения, так и специфики отдельных его видов в их культурно-исторической определенности. Философское осмысление природы аргументации предполагает раскрытие многообразных посредующих звеньев между ее сущностью, т. е. изменением, происходящим в сознании участников коммуникации и связанным с отношением обоснования, детерминации, существующим между элементами знания, элементами ценностно-ориентационной сферы, с одной стороны, и ее явлением—диалогическим или монологическим текстом, в котором фиксируется и с помощью которого происходит указанное изменение,—с другой¹. Динамика явного и неявного, характерная для любой, в том числе и философской, аргументации², осуществляется и как взаимодействие, взаимопроникновение логического и речевого планов аргументации.

Используя некоторые идеи Л. С. Выготского, а также ряд современных теоретико-системных понятий, попытаемся очертить некоторые стороны этого взаимодействия. При этом уточним, что логический план для нас—это структурная сторона мышления, существенная для его эффективности (независимо от того, нашла ли она отражение в логике как науке). Соответственно речевой план—это текст как внешняя сторона аргументации, доступная чувственному восприятию.

На первый взгляд, расчленив даже в абстракции эти два плана невозможно: ведь логическая структура аргументации представлена речевыми средствами и, следовательно, реализуется, в конечном счете, как речевая структура. Однако, хотя логические отношения аргументации наиболее доступны для анализа благодаря их речевому выражению, отсюда вовсе не следует, что они совпадают с речевыми структурами: подобно тому, как метеоролог, изучая показания приборов, вовсе не считает приборы предметом своей науки, так и логик не должен считать знаковые формы предме-

том логики. Мыслительные структуры, применяемые в процессе аргументации, сформировались в широком контексте всей системы общественной жизнедеятельности человека и находят внешнее выражение в действиях человека и их результатах, а не только в речи. Уже Аристотель обращал внимание на тесную взаимосвязь доказательств как логической процедуры с установленным людьми на практике причинной связи вещей³. Последующая история научного познания также дает богатейший материал для вывода о том, что фундаментальные логические операции имеют, в конечном счете, практическую основу. Почему, скажем, один и тот же логический вид отождествления почти одновременно был применен для научной экспликации и обоснования таких разных понятий как «энергия», «стоимость», «смысл»?⁴ Именно потому, что к этому времени был готов для обобщения опыт теоретического анализа соответствующих практически отработанных форм отождествления: изучены взаимопревращение форм движения в физическом опыте, товарный обмен, взаимозамещение текстов в семиотическом опыте⁵.

Если речь идет о создании теории аргументации, то предметом научного анализа должны соответственно стать практически отработанные процедуры убеждения, обоснования, опровержения, критики, спора, осуществляемые в различных формах человеческой коммуникации.

Понимая, что процесс аргументации не сводится к чисто вербальной деятельности, а является компонентом человеческого общения в широком смысле слова, не следует вместе с тем игнорировать то влияние, которое оказывает языковая форма на содержание и эффективность этого процесса. Можно оспаривать, например, категоричность утверждения, что внешняя форма аргументации «не вытекает из ее природы и может иметь различные проявления»⁶. По-видимому, не следует смешивать две разные стороны вопроса: во-первых, детерминирует ли глубинный смысл аргументации форму его внешнего выражения, представлен ли он в тексте, и, во-вторых, какова эта детерминация—однозначная или вероятностная, насколько полно, непосредственно или опосредованно, эксплицитно или имплицитно выражен этот смысл.

Соотношение логического и речевого аспектов коммуникации, по Л. С. Выготскому,—не застывшая вещь, а развивающийся процесс: это отношение есть движение от мысли к слову и обратно—от слова к мысли; при этом существенно учитывать различие синтаксиса внутренней и внешней речи, наличие форм перехода, посредующих внутреннее и внешнее в речевой коммуникации⁷. Этот тезис Л. С. Выготского об отсутствии автономии мысленного и речевого планов коммуникации находит свое подтверждение и в современных исследованиях по семантике: «Правила конструирова-

ния имманентного универсума должны соответствовать правилам порождения проявившегося универсума»,—отмечает А. Греймас⁸. С другой стороны, фиксируется зависимость правил конструирования речи от концептуальных систем коммуникантов⁹. Правда, справедливости ради надо признать слабую изученность реальных отношений между логическими и языковыми структурами: «Самонадеянно претендовать на точное определение категорий, организующих мир значений... В обеих областях, где ставится эта проблема,—идет ли речь о конструкции лингвистического или логического синтаксиса,—мы не находим ее удовлетворительного решения»¹⁰; «не существует пока никакого эффективного метода, с помощью которого можно было бы выявить все категории мышления, реализованные в семантике данного текста хотя они там, несомненно, наличествуют»¹¹. Вместе с тем все более утверждается мнение о важности, актуальности исследования конкретных форм взаимосвязи языка и сознания в общении, в том числе и в аргументации. Г. А. Брутян признает возможность «выделения языка аргументации» как многопланового образования, состоящего из различных пластов¹².

Опираясь на некоторые теоретико-системные понятия, остановимся более подробно на общей характеристике механизма взаимодействия, взаимовлияния логического (внутреннего) и речевого (внешнего) аспектов аргументации.

Аргументация всегда предполагает существование некоторой коммуникативной ситуации, в число элементов которой наряду с другими включается по меньшей мере два субъекта: аргументирующий S_1 и адресат аргументации S_2 . В частном случае S_1 и S_2 могут совпадать; S_2 может быть как определенным, так и неопределенным; S_1 и S_2 могут быть совокупностями людей. Философский интерес представляет анализ и обсуждение следующих вариантов взаимоотношения логического и речевого планов аргументации.

Ситуация 1. Соотношение между логическим и речевым планами аргументации для аргументирующего S_1 .

Формирование аргументации в этом случае является синтезом двух систем¹³: «грамматик мысли» и «грамматик речи» (по Л. С. Выготскому, это трансформация системы внутренней речи в систему внешней речи). При этом первая выступает в роли концепта, а вторая—в роли субстрата будущей системы¹⁴. Поскольку концепт аргументации возникает в мотивирующей сфере сознания, как, по-видимому, и формирование речевых смыслов зарождается именно там, можно считать, что первый этап формирования аргументации как системы происходит при ведущей роли ценностно-ориентационных компонентов.

На последующих этапах оформляется логический каркас (системообразующее отношение¹⁵) аргументации. Какая из возмож-

ных мыслительных структур при этом реализуется, зависит, в свою очередь, от того, какие трансформации концепта возможны: то, что станет тезисом аргументации, может быть выражено в форме категорического суждения, высказывания о возможном или необходимом, оценочного высказывания, нормативного высказывания, предложения мнения, дефиниции, классификации и т. д. В зависимости от этого и организуется процесс аргументации: если ее целью является обоснование истинности суждения, то структура аргументации должна включать какую-то разновидность доказательства, а в соответствующем тексте (субстрате аргументации) должны быть явно представлены хотя бы некоторые элементы доказательства. В том случае, когда обосновывается определение понятия, структура аргументации должна, вероятно, включать отношение выбора необходимых и достаточных признаков, отражающих соответствующую предметную область. Если основная задача аргументации—обосновать правильность оценочного высказывания, то ее логическая структура должна воспроизвести связь между компонентами оценки: ее субъектом, предметом, основанием, критерием, ядром (характером),—т. е. продемонстрировать отношение соответствия между ними (или, по крайней мере, их непротиворечивость), а также включить обоснование истинности основания оценки. Речевое выражение (субстрат) аргументации в данном случае должно эксплицитно содержать хотя бы некоторые из указанных выше компонентов оценки, достаточные для включения текста в процесс общения именно в качестве выражающего аргументацию данного типа.

Таким образом, говоря о движении «от мысли к слову», в процессе аргументации следует отметить неоднозначный характер детерминации концептом аргументации ее логической структуры и субстрата. Речевой субстрат аргументации, как правило, никогда не представляет полностью всех отношений аргументации, что отметил уже Аристотель, утверждая, что энтимемы составляют суть доказательства¹⁶.

Ситуация 2. Соотношение между логическим и речевым планами аргументации для S_2 .

Здесь также происходит синтез двух систем, но в качестве концепта формирующейся системы выступают речевые структуры, а не логические: под речевые структуры «подыскивается» мыслительное содержание, выступающее в качестве субстрата системы. Конечным этапом восприятия и понимания коммуникантом S_2 аргументации, «предъявленной» ему S_1 , будет ее подключение к ценностно-ориентационной сфере S_2 , т. е. оценка истинности, значимости, правильности как всей аргументации в целом, так и ее отдельных компонентов. Таким образом, формирование отношения

между словом и мыслью производится в последовательности, обратной по сравнению с ситуацией 1.

При этом возможны случаи, когда логическая структура аргументации усваивается одновременно с речевой; когда усваивается сначала речевая структура, а потом—логическая; когда усваивается только речевая структура; когда не усваивается ни та, ни другая. Успех восприятия аргументации субъектом S_2 в значительной мере зависит от того, какие эксплицитно выраженные элементы структуры аргументации удалось зафиксировать, какие—нет, от того, далее, удалось ли адресату восстановить имплицитно содержащиеся компоненты аргументации и тем самым реконструировать ее как целостность на логическом уровне. В качестве исходных ориентиров для S_2 могут при этом выступать как отдельные речевые единицы—ключевые слова, словосочетания, фразы, так и связи между ними. При восприятии устного текста значительную роль играет интонационный рисунок.

Известно, что объективно существует конечное и сравнительно небольшое число «интонационных контуров, с помощью которых в звучащей речи реализуется текст»¹⁷ и которые, в соответствии с эталонами, сложившимися в данной форме коммуникации, помогают установить завершенность или незавершенность текста, акцентное выделение или, напротив, поглощение отдельных его компонентов, выполняющих соответствующие логические функции и т. д. Знание интонационной специфики различных видов аргументации может значительно облегчить процесс восприятия текста, его эмоциональной окраски, а следовательно и оценочного, а не только структурного, его аспекта. В. И. Волошинов подчеркивал значимость интонации для установления связи текста с действительностью: «Интонация лежит на границе жизни и словесной части высказывания, она как бы перекачивает энергию жизненной ситуации в слово, она придает всему лингвистически устойчивому живое историческое движение и однократность»¹⁸.

Существуют различные механизмы установления целостности аргументации, выраженной письменным текстом. Письменный вариант коммуникации имеет свою специфику в сравнении с устным, «живым» общением и в процедуре установления значений, и в структурировании текста¹⁹. И. Беллерт выясняет роль процедуры выведения возможных следствий из отдельных высказываний для реконструкции связности текста, подмечая при этом, что само следование понимается более широко, чем это принято в логической теории: «Интерпретируя связный текст, мы пользуемся не только рассуждениями типа дедуктивных. Мы пользуемся некоторыми квазиимпликационными обобщениями (к которым мы приходим на основании нашего знания о мире), чтобы получить некоторые следствия, которые необходимы для интерпретации связ-

ного текста или для восполнения недостающих, не выраженных эксплицитно связей»²⁰.

Особую роль при восприятии аргументации выполняют языковые средства, отражающие ее специфику: импликационные термины, языковые индексы, указывающие на отношение детерминации, и т. п.

Ситуация 3. Диалогический вариант соотношения между речевыми и логическими структурами, в котором объединяются ситуации 1 и 2. Движение «от мысли к слову» и «от слова к мысли» поочередно сменяют друг друга.

Этот вариант и есть аргументация в собственном смысле слова, поскольку только диалог S_1 и S_2 выявляет те или иные мысли в качестве элементов аргументации. В самом деле, то или иное высказывание становится тезисом аргументации лишь при наличии реального или потенциального участника коммуникации, который может принимать или отрицать, подвергать сомнению истинность или правильность данного высказывания. Точно так же любой другой элемент аргументации формируется или оценивается лишь в процессе взаимодействия ситуаций 1 и 2, предполагающих друг друга. «Почву для ведения доказательства создает не тот, кто доказывает, а тот, кто поддерживает рассуждение: возражая против рассуждений, он поддерживает рассуждение»²¹,— как видим, Аристотель обращал внимание на диалогическую природу доказательства.

Ситуацию 3 можно определить как особый тип динамического синтеза двух систем (эти системы образуются в ситуациях 1 и 2), такой, что в каждый момент времени одна из них существует преимущественно эксплицитно, а другая—имплицитно. Результат синтеза представляет собой третью систему, системообразующим отношением которой является то коммуникативное отношение, какое задает «ритм» подключения ситуаций 1 и 2.

В качестве рабочей схемы, позволяющей выразить характер этого отношения, на наш взгляд, можно использовать логическое понятие свертывания отношения. Свертывание—это такая операция, при которой отношение с большим числом мест преобразуется в отношение с меньшим числом мест таким образом, что уменьшение числа элементов отношения происходит не за счет их отбрасывания, а за счет того, что информация об этих элементах становится содержательной характеристикой данного отношения²². Коммуникативное отношение, в котором формируется аргументация, всегда реализуется в свернутом виде—практически любой компонент ее может быть как эксплицитным, так и имплицитным.

Адекватная оценка аргументации требует эксплицирования ее элементов, структуры и концепта, что и является прямой задачей теории аргументации, на какой бы логической базе она ни созда-

валась. Соотношение речевого и мыслительного планов аргументации находится в зависимости от той конкретной формы свертывания коммуникативного отношения, которая фактически имеет место²³.

Ответить на вопрос, почему аргументирующий выбирает ту или иную логическую организацию содержания, ту или иную степень полноты эксплицитного представления элементов аргументаций, тот или иной стилистический вариант текста, нельзя, оставаясь лишь в рамках ситуации 1, ее контекста: ответ на подобные вопросы предполагает анализ ситуации восприятия (присутствующей актуально или потенциально).

С другой стороны, выяснить, почему адресат S_2 воспринимает аргументацию так, а не иначе—полно или неполно, с искажением или без искажения,—можно лишь в том случае, если мы учитываем степень общности тезаурусов S_1 и S_2 , а также степень общности их жизненного опыта, в том числе опыта аргументации, типичных ее приемов, т. е., иными словами, для того, чтобы изучить ситуацию 2, мы должны «дополнить» ее ситуацией 1 и учитывать их взаимную корреляцию. Таким образом, в самой форме «присутствия» ситуаций 1 и 2 в реальном процессе аргументации существует своеобразное отношение дополнительности: одна из них присутствует эксплицитно, другая—имплицитно, они взаимно предполагают, коррелируют друг с другом и постоянно меняются местами.

Для иллюстрации сознательного выбора аргументирующим речевого варианта аргументации в зависимости от особенностей предполагаемого адресата сойдемся на интересный материал в книге А. Я. Гуревича²⁴. Автор показывает, что церковные проповеди, излагающие и обосновывающие, по существу, одни и те же идеи, но в разных аудиториях—для интеллектуальной элиты и для широкой публики—строились на основе разных принципов: первые следовали установленной традиции и подчинялись имманентным законам жанра (цитирование религиозных авторитетов, использование устоявшейся топики, конденсированное изложение рафинированной теологической мысли, внимание к стилю), а вторые, предназначенные для «простецов», были более пространными, включали поучения и занимательные рассказы о чертях и святых, варьировались по лексическому составу в зависимости от характера аудитории, приспосабливались к уровню восприятия, вкусам, обычаям слушателей, отличались небрежностью стиля, его занижением: «Кому надобна безупречность языка, коль слушатели неспособны схватить смысл?»²⁵ То, что важным разделом средневекового богословия стала демонология находит объяснение именно в контексте коммуникации церкви с народными массами: борьба церкви за умы и души людей, ее стремление найти доступ к созна-

нию народа, «который обладал собственной культурной традицией мифа, эпоса, языческого ритуала, магии»²⁶, заставляли авторов проповедей широко пользоваться образами и приемами фольклора.

Если формирование и восприятие аргументации разделены во времени, что имеет место в случае изучения текстов по истории философии, то особое значение приобретает ликвидация «языкового барьера»—исходным моментом работы над текстом становится уточнение значения слов, словосочетаний, предложений, что предполагает восстановление контекста языка исследователя, контекста языка изучаемого мыслителя и той социальной общности, к которой он принадлежал и т. д. Контекстологический и ситуационный анализ историко-философского текста помогает эксплицитировать ситуацию его создания, процесс формирования его идейного смысла с тем, чтобы освободить современное восприятие от искажений, а оценку и критику содержания философских идей, представленных в этом тексте, сделать более основательной²⁷.

В плане создания общей теории аргументации несомненный интерес представляет выяснение соотношения между формальным и содержательным аспектами, которые могут быть выделены и на мыслительном, и на речевом уровнях аргументации. Различие между содержательной и формальной сторонами относительно и может быть определено лишь с учетом а) степени богатства средств выражения содержания аргументации; б) степени устойчивости, повторяемости в социальном опыте данного вида общения определенной части этих средств,—такой части, которая начинает использоваться в качестве определителя как наличия аргументации, так и ее характеристик. Критерия различия между формой и содержанием могут быть разными, в зависимости от условий функционирования конкретного текста и тех его признаков, благодаря которым он узнаваем в процессе общения как аргументация.

Традиционная формальная логика в качестве формы аргументации выделяет ту ее часть, которая представляет собой процесс выведения, следования тезиса из аргументов, и те связи, которые реализуются в этом процессе,—это синлогистически-дедуктивные, индуктивные или традуктивные. Однако затем появилась символическая логика, и то, что раньше рассматривалось как форма, теперь стало рассматриваться как своего рода содержание; новая форма лишь опосредованно связана с исходным текстом аргументации, она передается с помощью цепочки формул и правил оперирования ими. При этом правила оперирования с комбинациями символов частично воспроизводят отношение логического следования; надежда полного и точного воспроизведения этого отношения как отношения «чистого мышления» с помощью специальных

искусственных языков столкнулась с рядом серьезных препятствий. Оказалось, что «логические законы, способы рассуждения не являются абсолютными, раз и навсегда данными, априорно присутствующими нашему мышлению»²⁸, что без постоянного возврата к «живому» тексту, функционирующему в «живом» человеческом общении формализованные языки современной логики обойтись совершенно не могут, ибо в них, как и во всех семиотических системах, «вещи, процессы наделяются особыми свойствами, приобретают значение не сами по себе, в силу своей природы и физических свойств, а в силу отношения к чему-то [такому], что они в этой системе репрезентируют»²⁹. Конечно, применение формализованных языков дает больше преимущества познанию мышления, ибо позволяет установить помимо эмпирически уже известных отношений некоторую более широкую систему возможных связей и отношений, которые в принципе могут быть применены в дальнейшем.

И все же реальные отношения аргументации пока намного богаче, чем те, которые подробно изучены в существующих логических системах. Дальнейшее развитие логики, по-видимому, позволит охватить все более и более богатые и интересные характеристики аргументации. Это будет связано с расширением категориальной базы самой логики, с преодолением того разрыва, который сегодня пока существует между рафинированной и громоздкой «техникой» логического анализа и реальным опытом ее использования для целей повышения логической культуры человеческого общения.

Однако в любом случае логика аргументации в качестве предмета теоретического изучения должна иметь формальный аспект аргументации (т. е. устойчивые, хорошо различимые отношения, по которым аргументация отличается от других видов коммуникации), и в этом смысле логика аргументации не может не быть формальной. То, что имеется в виду под «неформальной» логикой аргументации, в действительности часто является попыткой обратить внимание на новые существенные связи, образующие аргументацию и не отраженные в существующих логических системах. Например, в качестве одного из оснований для вывода о неформальном характере логики юридической аргументации используется то обстоятельство, что «логическое доказательство зависит от аксиом, юридическое же — от презумпций и прецедентов»³⁰. А между тем аксиоматическая модель доказательства — далеко не единственная среди моделей в современной логике. С другой стороны, отношение презумпции и прецедента может анализироваться и логическими средствами, например, с помощью теории выводов по аналогии³¹.

Относительно широкое распространение идеи «неформальной логики» имеет под собой реальные основания не только в том, что

существующие модели вывода, доказательства, подтверждения, построенные с помощью формализованных языков, не охватывают многих видов, форм реальных связей мышления, достаточно надежных с практической точки зрения. Дело еще и в том, что само функционирование логических связей зависит от многих экстра-логических факторов, что эффективность одних и тех же логических операций различна в разных ситуациях, а тот «материал», на котором реализуются логические структуры, не безразличен к ним, он может на них воздействовать различным образом. Теория мышления не может ограничиться одним лишь структурным аспектом. Теория аргументации должна быть шире, чем логика аргументации. Кроме изучения мыслительных структур, участвующих в процессе аргументации, теория аргументации должна включать также исследование способов их выражения, закономерностей восприятия, социального функционирования, воспроизведения, оценки культурно-исторической значимости и т. д. Традиционные подходы к аргументации сводили дело либо к описанию ситуации 1, и тогда это были логические теории аргументации, либо к изучению ситуации 2, и тогда это были риторики различного вида, занимающиеся преимущественно вопросами речевых, в том числе стилистических, средств. Но в том и другом случае аргументация исследовалась односторонне, а значит, суть ее не раскрывалась в достаточной мере. Теория аргументации должна охватывать динамику взаимодействия указанных двух ситуаций, ибо только тогда ею может быть изучен процесс развития аргументации как общения, как искусства своего рода во всех его проявлениях и измерениях.

Взаимоотношение речевого и логического планов аргументации, будучи существенной стороной сложного, динамического процесса, также не может быть изучено без учета системного характера этого процесса. Логическое отношение обоснования может быть актуализировано по-разному в различных коммуникативных ситуациях даже для одного и того же языка. С другой стороны, смысл языкового выражения может быть воспринят как смысл аргументации лишь постольку, поскольку он оказывается совместимым с содержанием сознания адресата аргументации, с его представлениями об аргументации как таковой. Между логическими и языковыми структурами не существует взаимно-однозначного соответствия. Законом аргументации как вида коммуникации является лишь обязательная речевая выраженность (хотя бы частично-эксплицитная) логических структур, ее составляющих, и обязательная логическая значимость речевых структур, их причастность (хотя бы опосредованная) к реализации отношения обоснования.

Сделаем некоторые краткие выводы из сказанного.

1. Процесс аргументации может быть представлен в виде динамического синтеза двух систем — движения «от мысли к слову»

и «от слова к мысли», что отражает диалогическую природу аргументации. 2. Системообразующим отношением для аргументации как некоторого целого является отношение свертывания, связывающее эксплицитную и имплицитную части (подсистемы) аргументации, предполагающие и корректирующие друг друга. 3. Тип отношения между эксплицитной и имплицитной частями аргументации, в том числе между речевыми и логическими структурами, определяется целью аргументации, логической природой ее концепта, а также закономерностями данного вида коммуникации, его нормами, традициями, социально закреплёнными средствами выражения. 4. Определённое взаимодействие между содержательным и формальным аспектами характеризует как логический, так и речевой планы аргументации (как относительно независимые и вместе с тем взаимодействующие друг с другом системы).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О движении от явления к сущности и от сущности к явлению как задаче науки см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 343; т. 26, ч. II, 160.

2 Бругян Г. А. Аргументация (общая характеристика).—Вопросы философии, 1982, № 11, с. 45.

3 Аристотель. Соч. в 4-х томах, т. 1, с. 151; т. 2, с. 302.

4 Шкода В. В. Стоимость, энергия, смысл (о практической природе понятия).—Методологические вопросы научного познания и социальной практики. Вестник Харьковского университета, № 244, Харьков, 1983.

5 Там же, с. 59.

6 Бругян Г. А. Философская природа теории аргументации и природа философской аргументации (Статья первая. Философская природа теории аргументации).—Философские науки, 1978, № 1, с. 53.

7 Выготский Л. С. Мышление и речь.—В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956.

8 Greimas A.—J. *Sémiotique structurale. Recherche de méthode.*—Paris: Larousse, 1966, p. 108.

9 Павленко Р. И. Проблема смысла. М., 1983.

10 Greimas A.—J. *op. cit.*, p. 129.

11 Васильев С. А. Дилектический материализм и лингвистические исследования.—В кн.: Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. Киев, 1982, с. 17.

12 Бругян Г. А. Перспективы исследований актуальных проблем теории аргументации.—Философские науки, 1983, № 6, с. 65.

13 Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978, с. 191—198.

14 Там же, с. 126.

15 Там же, с. 127.

16 Аристотель. Риторика.—В кн.: Античные риторики. М., 1978, с. 15.

17 Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981, с. 62.

18 Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии.—В кн.: Из истории советской эстетической мысли, 1917—1932. М., 1980, с. 387.

19 См. об этом: *Hermeneutik und Wissenschaften: Seminar / Hrsg. von Gadamer H.—G. u. Boehm G.* Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1978, S. 85—89.

20 Беллерт И. Об одном условии связности текста.—В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 206.

21 Аристотель. Соч. в 4-х томах, т. 1, с. *127.

22 Уемов А. И. Проблема эквивалентности логических структур.—В кн.: Формальная логика и методология науки. М., 1964, с. 59.

23 Сумарокова Л. Н. О соотношении простоты и системности в лингвистических теориях.—В кн.: Системный анализ и научное знание. М.: 1978, с. 198—199.

24 Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

25 Там же, с. 21, 37.

26 Там же, с. 18.

27 Горский В. С. Историко-философское истолкование текста. Киев, 1981.

28 Смирнова Е. Д. Формализованные языки и проблемы логической семантики. М., 1982, с. 11.

29 Там же, с. 12—13.

30 Цит. по: Бругян Г. А. Философская природа теории аргументации и природа философской аргументации.—Философские науки, 1978, № 1, с. 55.

31 Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М., 1971.